

В РУКАХ
СУККУБА

МАРИЯ КИРОВА

Мария Кирова

В руках у Суккуба

<https://litres.ru/74183008>

SelfPub; 2026

Аннотация

Один шаг в запретную пещеру — и девятнадцатилетняя Ника оказывается в Люксурии, мире демонов, где людей ненавидят, а желания подчиняют чарами. Но на неё магия не действует. Её прикосновение исцеляет смертельные раны, а единственным союзником становится пленённый инкуб Касиал — опасный, обречённый и слишком близкий. Их связь может остановить войну. Или исполнить пророчество, которое погубит оба мира.

Содержание

ГЛАВА 1. ПРОЩАЛЬНЫЙ ПОХОД	4
ГЛАВА 2. ПЕЩЕРА, КОТОРОЙ НЕТ НА КАРТЕ	14
ГЛАВА 3. РАЗЛОМ МИРОВ	24
Конец ознакомительного фрагмента.	33

В руках у Суккуба

ГЛАВА 1. ПРОЩАЛЬНЫЙ ПОХОД

– Токарева, убери ногу.

Я смотрю вниз. Мой ботинок прижимает к грязи ремень чужого рюкзака.

– Это не нога, – говорю я. – Это средство фиксации.

– Это тридцать второй размер, который мешает мне жить.

– У тебя вся жизнь впереди, Лер.

– После этого похода – не факт.

Лера дёргает ремень. Я поднимаю ботинок, и она едва не падает назад, в кусты черники. Рюкзак у неё ярко-жёлтый, новый, купленный вчера вечером после двух часов мучений в спортивном магазине. Она выбирала между жёлтым и синим, будто от цвета зависело, съест её медведь или сначала спросит разрешения.

Мы отстаём от группы метров на двадцать. Тропа ползёт вверх между соснами, мокрыми после ночного дождя. В воздухе пахнет хвоей, землёй и дешёвым средством от комаров. Кто-то впереди уже третий раз включает одну и ту же песню на колонке. Припев доносится кусками, потому что владелец колонки то ускоряется, то задерживается возле камней.

Максим Сергеевич оборачивается.

– Не растягиваемся!

У него красная ветровка и голос человека, который заранее уверен: никто его не послушает. Он работает инструктором четвёртый сезон, по словам организаторов, знает эти горы лучше собственного подъезда. Вчера на вводном собрании он сорок минут объяснял, почему нельзя сходить с маркированной тропы, потом сам перепутал дверь столовой с кладовкой.

Лера машет ему рукой.

– Мы тут!

– Я вижу, что вы тут. Надо быть там.

Она смотрит на меня.

– Философ.

– Не придирайся. Он старается.

– Ты защищаешь начальство? Кто ты и что сделала с Никой?

Я поправляю лямку. Рюкзак давит на плечи сильнее, чем утром. В него каким-то образом поместились две бутылки воды, свитер, аптечка, дождевик, пачка печенья, запасные носки, зарядка, пауэрбанк и книга, которую я не собираюсь читать. Книгу положила мама. Она уверена, что человек в любой непонятной ситуации должен иметь при себе книгу и таблетки от аллергии.

Телефон в кармане вибрирует. Я достаю его на ходу. Сообщение от мамы: «Вы дошли?» Мы вышли из лагеря два-

дцать минут назад.

Пишу: «Почти». Это ложь, но не опасная. Маме лучше выдавать правду маленькими порциями, иначе она захлебнётся.

– Опять контроль? – спрашивает Лера.

– Забота.

– У тебя такое лицо, будто разница сомнительная.

Я убираю телефон.

Разница и правда сомнительная, но вслух я этого не говорю. Последние две недели дома всё звучало не так. Мамино «возьми куртку» означало «ты скоро уедешь». Папино «проверь документы» – «я не знаю, как с тобой разговаривать». Даже бабушка позвонила и вместо поздравлений с поступлением перечислила болезни, которыми можно заболеть в общежитии.

До начала учебного года восемь дней. Восемь дней до другого города, чужой комнаты, соседки, чьё имя я пока знаю только по переписке, и лекций, на которых никто не станет спрашивать, почему я не ем кашу. Я ждала этого с девятого класса. Может, раньше. Теперь внутри сидит маленькое неприятное чувство, будто я забыла дома включённый уют.

Хотя уютом я не пользуюсь.

– Ты передумала? – спрашивает Лера.

– Насчёт чего?

– Уезжать.

– Нет.

– Быстро ответила.

– Потому что вопрос простой.

Она фыркает и поправляет кепку. Лера остаётся в городе. Поступает в колледж дизайна через две остановки от дома, будет жить с родителями и жаловаться на них ежедневно, с удовольствием, как на любимый сериал. Мы дружим с седьмого класса и последние месяцы обе делаем вид, что расстояние ничего не изменит.

Возможно, так и будет. Возможно, через полгода мы станем присылать друг другу поздравления с праздниками и фотографии кофе. Я не люблю заранее решать, какой вариант правильный.

Тропа становится круче. Разговоры впереди стихают. Каждый пытается отдышаться и найти место, куда поставить ногу. Камни скользкие, корни выступают из земли. Один парень из параллельного класса цепляется шнурком и ругается так выразительно, что Максим Сергеевич делает вид, будто не слышал. Над лесом поднимается серый склон.

Горы здесь не похожи на картинки из туристических буклетов. На картинках они чистые, величественные, с солнечными вершинами. В жизни под ногами хлопает грязь, комары лезут в глаза, а по спине под футболкой стекает пот. Мне нравится именно это. Не красивый вид, который обещали, а ощущение, что местность не пытается нравиться.

Мы идём ещё час. На первой остановке группа рассаживается вокруг плоской каменной площадки. Кто-то сразу па-

дает на спину, кто-то фотографируется, стараясь не брать в кадр мусорный пакет, привязанный к дереву. Максим Сергеевич проверяет людей по списку.

– Токарева?

– Здесь.

– Орлова?

– Я умерла, – отзывается Лера.

– Мёртвые воду не получают.

Она садится и тянется за бутылкой.

– Я воскресла.

Я устраиваюсь на камне. Он холодный даже через брюки. Перед нами открывается долина: лес спускается тёмными волнами, между ними блестит тонкая река. Облака висят низко, цепляются за дальние вершины. Внизу, где остался лагерь, ничего не видно. Колонку наконец выключают.

Тишина приходит не сразу. Сначала в ушах ещё живёт ритм песни, потом проступают другие звуки: капли падают с веток, ветер трёт верхушки сосен, где-то стучит дятел. Лера шуршит упаковкой батончика. И ещё что-то. Я поворачиваю голову.

Гул очень тихий. Не звук даже, а давление, которое ощущается в зубах. Похож на далёкий двигатель под землёй.

– Слышишь? – спрашиваю я.

– Что?

– Гудит.

Лера перестаёт жевать. Прислушивается.

– Самолёт?

Небо закрыто облаками. Я поднимаю лицо, но ничего не вижу. Гул исчезает.

– Наверное, – говорю я.

Максим Сергеевич достаёт карту. К нему подходят несколько человек. Они спорят, куда идти дальше: основной маршрут размыло дождём, обход добавит два часа.

– Я же говорил, – произносит парень в синей куртке. – Надо было идти к водопаду.

– Ты говорил про канатную дорогу, – отвечает кто-то.

– Это рядом.

– В твоей голове всё рядом.

Я пью воду. Она тёплая и отдаёт пластиком. На камне возле колена ползёт чёрный жук, тащит сухую иголку, в три раза длиннее себя. Он упорно упирается в трещину, отступает, пробует снова. Я подвигаю иголку пальцем. Жук замирает, потом убегает, бросив добычу. Помощь иногда выглядит как нападение. Эта мысль кажется важной пару секунд, потом становится смешной.

– Эй, – Лера толкает меня плечом. – Ты опять куда-то ушла.

– Сижу рядом.

– Глазами ушла.

– Какая поэзия.

Она протягивает мне половину батончика.

– Бери. У меня карамель к зубам липнет.

– Отличная рекомендация.

Я беру. Через десять минут Максим Сергеевич объявляет, что пойдём в обход. По его словам, тропа безопасная, хотя длиннее. Все стонут. Он напоминает, что поход добровольный и можно было остаться в лагере.

– Теперь уже нельзя, – замечает Лера.

– Что нельзя?

– Остаться в лагере.

Максим Сергеевич смотрит на неё, решая, стоит ли отвечать. Не стоит. Он понимает это и сворачивает карту. Мы снова идём. После развилки лес меняется. Сосны становятся выше, между ними меньше кустов, земля покрыта толстым слоем рыжей хвои. Тропа узкая, местами почти исчезает. На деревьях через каждые двадцать метров нарисованы красные метки.

Гул возвращается. На этот раз сильнее. Я останавливаюсь. Парень позади едва не врежется в меня.

– Чего встала?

– Шнурок.

Я наклоняюсь, хотя шнурок завязан. Жду. Звук доносится слева, из глубины склона. Там между деревьями видны серые валуны, заросшие мхом. Никаких дорог. Никаких строений. Парень обходит меня.

– Догоняй.

Я делаю вид, что перевязываю узел. Группа уходит дальше. Лера останавливается в нескольких шагах.

– Помочь?

– Сейчас.

Гул обрывается, когда она возвращается.

– Ты чего?

– Ничего. Ботинок давит.

– Он утром не давил.

– Утром я была моложе.

Лера смотрит внимательно. Она умеет видеть, когда я вру, но не всегда понимает, зачем.

– Не отставай, ладно?

– Ладно.

Мы догоняем остальных. Дальше я стараюсь не прислушиваться. Разговариваю с Лерой о соседке по общежитию, потом о преподавателях, которых ещё не знаю, потом о том, что она собирается перекрасить волосы в медный. Она показывает фотографию. Цвет ужасный. Я говорю, что интересный. На второй остановке начинается мелкий дождь.

Группа прячется под деревьями, натягивает дождевики. Мой пахнет резиной и старым шкафом. Кто-то раздаёт орехи. Максим Сергеевич проверяет карту и ругается себе под нос: метка на ближайшей сосне почти стёрта, тропа раздваивается. Я снова слышу гул. Теперь он не исчезает.

Он ощущается в земле, в камне, по которому я провожу ладонью. Чёткий, низкий, ровный. Будто где-то за склоном работает огромная машина.

– Здесь шахты есть? – спрашиваю я.

Максим Сергеевич поднимает голову.

– Какие шахты?

– Старые. Или тоннели.

– Нет.

– А пещеры?

Он складывает карту.

– Карстовые полости есть восточнее. На нашем маршруте нет.

– Точно?

– Ника, – вздыхает Лера.

Я смотрю на инструктора.

– Просто звук странный.

Максим Сергеевич прислушивается. Дождь шелестит по капюшонам. Ветки скрипят.

– Ветер в расщелинах, – говорит он. – В горах звук гуляет как хочет.

Готовый ответ. Я киваю, хотя не верю. Не потому, что считаю его лжецом. Он, скорее всего, действительно так думает. Люди часто принимают первое знакомое объяснение, если оно позволяет идти дальше. Я тоже так делаю.

Но не сегодня. Группа сворачивает направо. Красная метка на сосне подтверждает маршрут. Я иду последней, рассматривая склон слева. За деревьями тянется каменная гряда. В одном месте мох лежит иначе – тёмной полосой, будто под ним есть щель. Гул усиливается.

Телефон вибрирует. На экране мамино: «Почему не отве-

чаешь?» Связь одна полоска. Я пишу: «Всё хорошо. Идём дальше».

Сообщение не отправляется.

– Ника! – кричит Лера впереди.

– Иду!

Я делаю несколько шагов по тропе. Потом останавливаюсь. Нет ничего разумного в том, чтобы сходить с маршрута. Максим Сергеевич объяснял это долго и, пожалуй, убедительно. Камни после дождя скользкие. Связи почти нет. Группа движется быстро, отстать легко. Я знаю все эти пункты.

И всё-таки смотрю на тёмную полосу мха. Гул проходит сквозь меня. Не зовёт. Я бы не назвала это зовом. Просто где-то есть ответ, который мне не дали, и я внезапно не могу идти в другую сторону.

– Сейчас догоню, – говорю я, хотя меня уже никто не слышит.

Схожу с тропы.

ГЛАВА 2. ПЕЩЕРА, КОТОРОЙ НЕТ НА КАРТЕ

Первые десять метров я ещё могу притворяться, что ничего не нарушаю. Тропа видна за спиной. Красная метка на сосне мелькает между ветвями. Голоса группы доносятся отчётливо: кто-то смеётся, Лера просит передать воду, Максим Сергеевич снова считает людей. Я иду параллельно маршруту, просто чуть выше по склону. В любой момент можно повернуть назад. На одиннадцатом метре земля уходит из-под ноги.

Я хватаюсь за ветку, колено бьётся о камень. Ветка хлещет по щеке, когда выскальзывает из пальцев.

– Отлично, – шепчу я.

Боль острая, но терпимая. На брюках остаётся мокрое пятно. Я сажусь на корточки и проверяю колено. Ткань целая. Кожа под ней, похоже, тоже. Голоса впереди становятся тише. Нужно вернуться.

Я поднимаю голову. Каменная гряда теперь близко. Между двумя валунами действительно тянется щель, прикрытая кустами. Из неё идёт тепло. Это чувствуется даже под дождём.

Я выбираюсь выше. Склон крутой. Приходится цепляться за корни, обходить мокрые плиты, которые выглядят на-

дѣжными, но сразу скользят под подошвой. Несколько раз я оглядываюсь. Тропа исчезает быстрее, чем должна. Лес одинаковый во все стороны: серые стволы, хвоя, мох.

– Две минуты, – говорю вслух. – Смотрю и назад.

Голос звучит глупо. Телефон показывает шестнадцать минут третьего и отсутствие сети. Я включаю геолокацию. Карта загружена заранее, но голубая точка прыгает по склону, будто не может решить, где я нахожусь. До маршрута, если верить экрану, сорок метров. Я прохожу ещё двадцать.

Вход открывается не сразу. Сначала вижу только чёрную линию под нависающим камнем. Потом отодвигаю мокрые ветки и понимаю, что за ними уходит вниз узкий проход. Пещера. Она не похожа на туристические. Нет ровной арки, таблички, следов костров. Камень словно раскололи изнутри. Края разлома гладкие, почти чёрные. По ним стекает вода, но внутри земля сухая.

Гул идёт оттуда. Я стою, слушаю собственное дыхание. Максим Сергеевич сказал, что пещер на маршруте нет.

Возможно, он просто не знает. Эта мысль доставляет мне слишком много удовольствия. Я включаю фонарик на телефоне и направляю луч внутрь. Свет выхватывает каменный пол, узкие стены, свод высотой чуть больше моего роста. Проход уходит метра на четыре, потом поворачивает.

Слева от входа что-то вырезано. Я наклоняюсь. Символы почти стёрты. Три дуги, пересечённые вертикальной линией. Ниже – круг с разрывом. Ещё ниже камень отколот, но виден

край знака, похожего на цветок или пламя.

Провожу пальцами. Резьба неглубокая, старая. В бороздах нет мха. Странно: вокруг всё зелёное, а внутри линий камень чистый. Телефон вибрирует.

Лера.

– Да? – отвечаю я.

Сначала слышу только треск.

– Ты где? – Её голос проваливается, возвращается. – Ника, мы... остановились. Максим тебя...

– Я рядом. Сейчас выйду.

– Где рядом?

Я смотрю в проход.

– Ботинок поправляла, отстала.

– Ты опять врёшь.

– Не опять, а всё ещё.

– Очень смешно. Возвращайся.

– Уже.

Связь обрывается. На экране остаётся значок завершённого вызова. Я выключаю фонарик и оглядываюсь на лес. Дождь усиливается. Ветки, которыми был закрыт вход, качаются, будто кто-то только что прошёл через них. Нужно возвращаться.

Я делаю шаг назад. Из пещеры приходит короткая пульсация света. Неяркая. Синеватая. Она отражается от внутренних стен и тут же гаснет.

Я замираю. Потом включаю запись видео.

– Пещера, – говорю в телефон. – Координаты...

Смотрю на экран. Координаты скачут.

– Координаты потом. Если я сейчас уйду, а Максим Сергеевич скажет, что это просто тень, я...

Я не заканчиваю. Что я? Вернусь завтра? Экскурсия заканчивается утром. В лагере не разрешат уходить одной. Инструктор сюда не поведёт, особенно после того, как обнаружит пропажу человека. Свет появляется снова.

За поворотом. Я захожу внутрь. Первые шаги даются легко. Пол сухой, ровный. Тепло усиливается. Пахнет не сыростью, а нагретым камнем и чем-то металлическим. Как в мастерской, где отец иногда чинит старый мотоцикл.

У поворота я останавливаюсь и оглядываюсь. Вход – светлый прямоугольник среди темноты. До него несколько шагов. Я поворачиваю дальше.

Проход расширяется. На стенах появляются новые символы. Они идут полосой на уровне плеча: круги, линии, угловатые фигуры. Некоторые напоминают буквы, но ни одного знакомого алфавита я не узнаю.

В школе я однажды неделю читала про древние письменности, потому что учительница истории показала нам фотографию Розеттского камня. Потом тема ушла, начались экзамены. Я помню клинопись, египетские знаки, немного знаю о рунах. Здесь ничего похожего. Я снимаю стены на видео. Телефон нагревается в ладони.

– Не понимаю, – произношу я.

Гул меняется. На секунду мне кажется, что он отвечает. Я смеюсь. Коротко, без веселья.

– Всё. Хватит.

Разворачиваюсь. Входа не видно. Я стою перед прямой каменной стеной.

Сначала думаю, что перепутала направление. Освещаю проход позади, потом справа, слева. Стены те же, символы те же. Поворот должен быть в трёх шагах, но его нет. Только гладкий тёмный камень. Сердце начинает биться быстрее.

– Нет.

Я возвращаюсь назад, касаясь стены рукой. Поверхность тёплая. Никакой щели. Никакого поворота. Телефон показывает семнадцать минут третьего. Связи нет.

Я пытаюсь позвонить Лере. Вызов не идёт. Пишу сообщение: «Я в пещере слева от тропы. Вход за каменной грядой». Не отправляется. Прикладываю ухо к стене. С другой стороны ничего.

– Спокойно.

Слово помогает примерно никак. Я вспоминаю советы из статей о пещерах. Не паниковать. Экономить заряд. Не идти глубже без необходимости. Отмечать путь. Всё это полезно, если путь не закрывается камнем за спиной. Я провожу ногами по стене. Камень не похож на обвал. На полу нет крошки. Он просто здесь, как будто был всегда.

Гул проходит под ладонью. Я отдёргиваю руку. Синий свет снова вспыхивает в глубине.

Другого пути нет. Это не значит, что нужно идти туда. Можно ждать. Группа заметила пропажу. Максим Сергеевич вернётся, найдёт следы и вход. Если вход снаружи остался. Я сажусь у стены.

Достаю бутылку, делаю глоток. Вода тёплая. Руки дрожат, поэтому крышка падает и катится по полу. Я ловлю её у ботинка. Телефон показывает шестнадцать минут третьего. Я смотрю внимательнее.

Минуту назад было семнадцать. Экран моргает. Пятнадцать минут третьего.

– Очень смешно.

Я открываю настройки времени. Автоматическое определение выключается само. Цифры меняются на четырнадцать пятьдесят девять, затем снова на пятнадцать шестнадцать. Заряд – семьдесят два процента. Через секунду – восемьдесят один.

Я выключаю телефон. Тишина становится плотнее. Без света видна только синяя пульсация далеко впереди. Она загорается через равные промежутки, как дыхание спящего. Я жду.

Считаю до ста. Потом ещё раз. Никто не приходит. Кричу. Сначала имя Леры, потом Максима Сергеевича. Эхо возвращает мой голос странно искажённым: не повторяет слова, а растягивает гласные. Через несколько секунд из глубины приходит другой звук. Тихий звон, будто стекло касается стекла.

Я включаю телефон. Заряд пятьдесят девять процентов. Время – ноль часов. Фонарик работает. На стене напротив появляются новые линии.

Я уверена, что их не было. Рисунок занимает почти всю плиту. Две высокие фигуры стоят по сторонам круга. У обеих из голов поднимаются изогнутые рога. Между ними маленькая фигура без рогов протягивает руки к центру. Под изображением вырезаны три знака.

Последний – цветок. Я касаюсь его. Камень под пальцами холодный.

Гул обрывается. Так резко, что уши закладывает. В тишине раздаётся шёпот.

Не из глубины. Рядом. Я поворачиваюсь, освещаю проход. Никого.

– Кто здесь?

Ответ приходит на незнакомом языке. Женский голос произносит одно длинное слово, мягкое в начале и резкое в конце. Я отступаю.

– Я не понимаю.

Голос повторяет. На этот раз в нём слышится вопрос.

– Не понимаю, – говорю громче. – Я заблудилась. Мне нужен выход.

Свет загорается. Синий отблеск разливается по проходу, и я впервые вижу, насколько далеко он уходит. Стены расходятся, свод поднимается. Впереди открывается зал. Я стою на месте ещё несколько секунд.

Потом иду. На полу появляются трещины. Из них растут тонкие белые нити, похожие на корни. Они светятся изнутри. Я стараюсь не наступать, но одна нить сама отодвигается от подошвы.

– Нет, – говорю я.

Она замирает. Я тоже. Если расскажу об этом Лере, она решит, что я ударилась головой. Максим Сергеевич вызовет спасателей, спасатели – врача. Мама приедет раньше всех и больше никогда не отпустит меня даже в магазин.

Эти мысли привычные, бытовые. За них удобно держаться. Зал круглый. Стены теряются в темноте. В центре из пола поднимается каменный столб высотой по пояс. На нём лежит осколок размером с кулак. Он и светится.

Камень прозрачный, но внутри движется мутное сияние. Оно собирается в прожилки, распадается, снова собирается. Иногда кажется синим, иногда белым. В его глубине мелькают красные точки. По краям постамента вырезаны знаки. Один я уже видела у входа: три дуги и линия. Другой похож на раскрытый глаз. Третий – на розу с семью лепестками.

Я обхожу постамент. За ним лежит скелет. Человеческий. По крайней мере, почти. Череп вытянут, на лбу два небольших выступа. Кости рук длиннее обычных. На одном запястье сохранился металлический браслет.

Я отступаю так быстро, что цепляюсь пяткой за трещину. Телефон выскальзывает. Падает экраном вниз.

– Чёрт.

Поднимаю его. Стекло цело, но фонарик гаснет. Камень освещает скелет снизу. Пустые глазницы становятся глубокими. На полу возле костей лежит круглая пластинка. Я наклоняюсь, не подходя близко. На ней тот же знак цветка.

Шёпот возвращается. Теперь он идёт от осколка. Женский голос произносит слово. Потом ещё одно.

Я слышу своё имя.

– Ника.

Это звучит не совсем правильно. Ударение смещено, гласная тянется. Но это моё имя. Я не отвечаю. Осколок вспыхивает.

За спиной что-то скребётся. Я оборачиваюсь. Белые нити поднимаются из трещин. Медленно, как трава под водой. Они перекрывают проход, сплетаются в решётку. Я бросаюсь к ним.

Пытаюсь раздвинуть. Нити мягкие, но не рвутся. На коже остаётся холодный след. Чем сильнее тяну, тем плотнее они сцепляются.

– Отпусти!

Свет за спиной становится ярче. Я бью по нитям бутылкой. Пластик мнётся. Вода выплёскивается на пол. Белые корни впитывают её мгновенно. Шёпот произносит моё имя снова.

Гул возвращается одним ударом. Я падаю на колени. Телефон выскальзывает в трещину. Успеваю схватить его за край, ладонь скользит по камню, кожу режет острый выступ.

Боль вспыхивает от основания большого пальца до запястья.

Кровь капает на белую нить. Та краснеет. Все остальные одновременно поворачиваются ко мне.

Я отшатываюсь. Красная полоса бежит по корням к постаменту. Достигает основания. Знаки вспыхивают один за другим. Камень в центре зала темнеет, а потом становится алым.

Шёпот исчезает. Вместо него я слышу множество голосов. Мужские, женские, детские. Они говорят на разных языках, перекрывают друг друга. Среди них на мгновение слышится русская речь:

– Рука.

Я смотрю на порез. Кровь течёт по ладони.

– Что?

– Рука, – повторяет голос.

Надо отойти. Сесть у стены. Перевязать порез. Ждать спасателей, обвала, пробуждения – чего угодно, что вернёт миру обычные правила. Я делаю шаг к постаменту. Потом ещё один.

Скелет лежит рядом. Его пальцы вытянуты в сторону осколка, будто он тоже пытался дотронуться.

– Это плохая идея, – говорю я.

Никто не спорит. Поднимаю раненую ладонь. Алый свет скользит по коже. И касаюсь камня.

ГЛАВА 3. РАЗЛОМ МИРОВ

Мир не взрывается. Он складывается. Стены зала сдвигаются, становятся плоскими, как декорации. Постамент вытягивается в тонкую линию. Моя рука остаётся прижатой к камню, хотя камня уже нет. Я вижу собственные пальцы сразу с нескольких сторон и успеваю подумать, что у большого ногтя неровный край.

Потом пропадает звук. Не становится тихо. Тишина тоже звук, когда в ней слышно дыхание. Здесь нет ничего. Я открываю рот и не чувствую, что воздух проходит через горло. Свет меняется.

Алый превращается в белый. Белый – в чёрный. Чёрный оказывается глубиной, где висят крошечные точки. Они похожи на звёзды, только каждая движется. Одна точка приближается. Внутри неё город.

Высокие стены, башни, мосты между крышами. Над городом две луны. По улицам бегут существа с крыльями. Нет, не с крыльями – с плащами. Картина поворачивается, и я вижу поле, усыпанное телами. Точка проходит сквозь меня. Другая приближается.

Мама ставит на кухонный стол тарелку сырников. Я сижу напротив, мне лет девять. За окном февраль, батарея стучит, папа спорит с кем-то по телефону. Мама говорит: «Не ешь варенье ложкой». Я тянусь за банкой. Я знаю, что этого не

было. В девять лет мы жили в другой квартире. На той кухне не было окна.

Точка лопается. Следующая. Лера стоит на тропе и кричит моё имя. Максим Сергеевич идёт назад, светит фонарём под кусты. Дождь уже сильный. На его красной куртке тёмные пятна. Лера плачет и злится на себя за это.

Я тянусь к ней. Руки нет. Тела нет.

Есть только движение между тем, чему не полагается соприкасаться. Чужие голоса проходят рядом. Иногда они произносят слова, иногда оставляют ощущения. Голод. Страх. Восторг. Чья-то любовь такая сильная, что кажется болезнью. Чья-то смерть, быстрая и удивлённая. Я пытаюсь закрыться, хотя закрываться нечем.

Тогда появляется боль. Сначала ладонь. Порез горит. Потом плечи, спина, колени. Тело возвращается по частям, и каждая требует внимания. Воздух врывается в лёгкие. Я кричу.

Звук выходит сразу во всех направлениях. Что-то хватает меня за запястье. Пальцы холодные, длинные.

Я открываю глаза.

Передо мной слепая женщина, которую я никогда не встречала. И всё же я узнаю исходящее от неё ощущение: тот же холодный зов шёл от алого камня в пещере. Белые глаза неподвижны, на губах кровь. Одной рукой она держит меня, другой прижимает к груди маленький зуб.

– Поздно, – говорит она.

По-русски.

– Что?

– Для меня.

Её лицо трескается. Под кожей нет плоти. Там огонь. Я отдёргиваю руку и падаю.

На этот раз по-настоящему. Земля бьёт в бок, выбивает воздух. Я перекатываюсь по камням, цепляюсь ладонями, останавливаюсь у колючего куста. Несколько секунд лежу, не понимая, где верх. Пахнет пылью и дымом.

В ухо вливается острый камешек. Я сажусь. Надо мной багровое небо.

Не закат. Цвет ровный, глубокий, тёмно-красный от горизонта до горизонта. Облака почти чёрные, тонкие, вытянутые. Между ними висят две луны: одна большая, серебряная, другая меньше и отливает медью. Я смотрю на них долго. Мозг пытается найти объяснение. Оптический эффект. Двойное изображение после удара. Какая-то планета рядом с лунной. Рекламный купол. Сон.

Большая луна частично закрывает малую. У обеих видны кратеры. Я опускаю взгляд.

Пещеры нет. Я лежу на каменистом склоне среди низких кустов с тёмно-фиолетовыми листьями. Чуть ниже тянется равнина. Вдали поднимаются стены города. Огромного.

Башни похожи на чёрные иглы. Между ними горят огни. Над одной частью города поднимается дым. Где-то гремит. Звук приходит с задержкой. Низкий удар, потом россыпь бо-

лее мелких.

Я вскакиваю. Мир качается. Перед глазами темнеет. Приходится схватиться за куст. Листья под пальцами холодные и гладкие, но на краях у них мелкие зубцы. Один царапает кожу. Старый порез на ладони стянут прозрачной плёнкой, словно ему несколько дней, а по краям тянется тонкая алая линия.

Я рассматриваю руку. Кровь осталась – тонкая засохшая линия от большого пальца к запястью. Под ней виден гладкий след, слишком ровный для обычного заживления.

– Нет.

Говорю тихо, потому что говорить громче страшнее. Проверяю карманы. Телефон на месте. Экран треснул теперь по-настоящему, от угла идёт белая паутина. Нажимаю кнопку. Ничего.

Ещё раз. На секунду появляется логотип, потом экран гаснет.

– Давай.

Телефон молчит. В рюкзаке вода, аптечка, дождевик. Всё на месте, только бутылка помята и почти пуста. Я надеваю рюкзак, хотя не знаю зачем. Привычное действие немного возвращает ощущение, что я существую. Снова гремит.

На равнине вспыхивает свет. Белая дуга поднимается к городской стене, ударяется о неё и рассыпается искрами. Через несколько секунд до меня доходит звук. Это не гром. Там идёт бой.

Я пригибаюсь, хотя расстояние огромное. По дороге к городу движутся тёмные точки. Сотни. Некоторые несут огни. У стены вспыхивают новые дуги, зелёные и красные. Одна башня дымится. Мне нужно уйти в другую сторону.

Я оборачиваюсь. За спиной поднимаются горы. Чёрные, острые, без леса. Между склонами лежит туман. Ни домов, ни дорог. Только камни и странные кусты. Город опасен.

Горы неизвестны. Я выбираю город. Не потому, что это разумно. Люди – или те, кто там живёт, – могут помочь. Или убить. В горах, скорее всего, не будет никого, и это внезапно кажется страшнее.

Спускаюсь со склона. Камни сыплются из-под ботинок. Ноги дрожат после падения. Болят рёбра слева. Когда дышу глубоко, под кожей колет. Возможно, ушиб. Возможно, трещина. В аптечке нет ничего, что поможет от трещины, зато есть пластырь с жирафами. Мама купила детский набор, потому что обычный закончился. Я тогда смеялась. Сейчас почему-то хочется плакать именно из-за жирафов.

Я не плачу. До равнины добираюсь минут за двадцать. Время определяю приблизительно: телефон не работает, небо не меняется. Багровый свет идёт отовсюду, теней почти нет. На земле растёт жёсткая серая трава. Она хрустит под ботинками, как сухая бумага. Между стеблями попадаются круглые чёрные камни. Один шевелится. Я останавливаюсь.

Камень раскрывает тонкие лапки и быстро убегает.
– Хорошо.

Мой голос тонет в открытом пространстве.

– Просто хорошо.

Дорога к городу вымощена тёмными плитами. На некоторых вырезан знак цветка. Тот же, что был в пещере. Я присаживаюсь, касаюсь борозды. Камень холодный.

Гул больше не слышен. Вдали кричат. Я поднимаюсь.

По дороге иду быстрее. С каждым шагом город становится больше, но расстояние почти не сокращается. Стены выше многоэтажного дома. Перед ними раскинулся лагерь: палатки, костры, деревянные заграждения. Оттуда летят световые дуги. У дороги темнеют человеческие фигуры. Я замечаю их слишком поздно.

Трое лежат в серой траве. Один на спине, двое ничком. На них металлические нагрудники и серо-белые плащи. Рядом валяются мечи. Настоящие мечи. Я останавливаюсь в нескольких шагах.

Первый мужчина молод. Светлые волосы слиплись от крови. Глаза открыты, смотрят в багровое небо. На шее тёмный след ожога. Второй старше. Под его рукой растеклась лужа, почти чёрная при этом свете. Третий шевелится.

Я отступаю, потом всё равно подхожу. Он лежит лицом вниз. Из спины торчит короткая стрела с чёрным оперением. Плащ пропитан кровью. Пальцы скребут по плите.

– Вы меня слышите?

Глупый вопрос. Он может не знать русского. Он может быть не человеком. Мужчина поворачивает голову. Лицо че-

ловеческое. Грязное, бледное. На щеке шрам.

– Эй, – я опускаюсь рядом. – Не двигайтесь.

Он смотрит на меня мутными глазами. Губы шевелятся.

– Что?

Мужчина произносит несколько слов. Язык незнакомый, резкий. Последнее слово повторяет дважды.

– Я не понимаю.

Он видит мою одежду. Взгляд опускается к рюкзаку, к рукам. Потом резко расширяется. Мужчина хватается меня за запястье. Силы в нём больше, чем должно быть.

– Отпустите.

Он тянет меня ближе и произносит другое слово. В голосе страх. Смотрит не на меня, а мне за спину.

Я оборачиваюсь. Над травой движется тень. Сначала кажется, что это большая птица. Потом она опускается, и я вижу женщину в чёрных доспехах. За её спиной раскрыты кожистые крылья. Настоящие, широкие, тёмные, с тонкими красными прожилками.

Она касается земли босыми ногами. На висках у неё сквозь волосы выступают небольшие изогнутые рога. Мужчина рядом кричит.

Крылатая женщина поднимает руку. Красный свет ударяет его в грудь. Тело дёргается, пальцы разжимаются на моём запястье. Он больше не двигается. Я остаюсь на коленях.

Женщина смотрит на меня. У неё чёрные глаза без белков. Красивое лицо, слишком спокойное для того, кто только что

убил человека. На губе тонкий порез. В руке короткое копьё. Она говорит.

Я качаю головой.

– Не понимаю.

Женщина подходит ближе. Крылья складываются за спиной. От неё пахнет дымом, горячим металлом и чем-то сладким, похожим на перезрелую вишню. Она касается пальцем моего подбородка, заставляет поднять лицо. По телу проходит тепло.

Не обычное. Оно собирается внизу живота, поднимается к груди, размягчает мышцы. На секунду мне хочется довериться ей. Сказать всё. Прижаться щекой к её ладони. Мысль чужая и одновременно моя. Я отшатываюсь. Тепло исчезает.

Женщина замирает. Её глаза становятся шире. Она повторяет жест, теперь кладёт ладонь мне на лоб. Красный свет тонкой плёнкой проходит по коже.

Ничего. Я слышу, как она резко втягивает воздух. За её плечом появляются ещё двое. Мужчина и женщина в таких же доспехах. У мужчины рога длиннее, загнуты назад. Крыльев нет. Женщина держит лук.

Они говорят быстро. Смотрят на меня так, будто я сделала что-то невозможное.

– Я не знаю, где я, – говорю я. – Мне нужна помощь.

Мужчина отвечает. Потом ударяет меня рукоятью меча в живот. Я сгибаюсь. Воздух выходит. Колени скользят по плите.

Крылатая женщина что-то резко говорит ему. Он пожимает плечом. Мне заламывают руки. На запястьях защёлкивается единый металлический обруч, стягивающий обе руки. От металла идёт холод. Я пытаюсь вырваться.

– Не трогайте меня!

Женщина с луком приставляет наконечник стрелы к моему плечу. Я замираю. Над городом вспыхивает белая дуга. Стена отвечает красным огнём. Земля вздрагивает.

Крылатая поднимает меня за плечо и толкает вперёд. Мы идём к городу. По дороге лежат тела людей и существ с рогами. В траве горят остатки повозки. Где-то справа стонет раненый. Никто не останавливается.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.